ДОН НИГРО

ГОРГОНЫ

Дон Нигро
Горгоны

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48799818
Горгоны:

Аннотация

Дон Нигро «Горгоны/Gorgons». 2 актрисы (от 60 и старше). Трагикомедия. Стареющая кинозвезда и ее вечная соперница вынуждены сниматься в одном фильме, чтобы вернуть известность. Не без труда это им удается, но финал трагичен: одна убивает вторую статуэткой «Оскара», только что полученной второй. Первая пьеса Дона, поставленная в России.

Содержание

Действующие лица 5
1 6
2 13
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Дон Нигро
Горгоны

Каждое существо содержит в себе целый разумный мир.
Плотин
Ткань прочь унесена была,
И раскололась гладь стекла;
«Сбылось проклятье», – воззвала

Волшебница Шалотт.
Альфред Теннисон

Действующие лица

РУТ, стареющая кинозвезда
МИЛДРЕД, ее вечная соперница

Начало 1960-х. Одна простая декорация, которая объединяет все места, где происходит действие: гримерная, готический особняк, на самом деле съемочная площадка, сцена театра, гостиная Рут. Диван, кровать, туалетный столик с зеркалами, лестница, стол и несколько стульев. Пьеса ставится без перерывов между картинами, без изменения декораций, без антракта.

1

Гримерная театра, после спектакля. Милдред сидит у зеркала, снимает грим, уставшая. Входит Рут.

РУТ. Дорогая Милдред, ты в прекрасной форме. Просто потрясла меня своей игрой. Я смеялась. Я плакала. Чуть не обмочилась. Сердце стучало как отбойный молоток. Твоя игра – вершина американского театра.

МИЛДРЕД. Да что ты тут делаешь, черт бы тебя побрал!

РУТ. Зашла за кулисы, чтобы поздравить тебя с блестящим достижением. Клянусь, ты выглядела вдвое моложе. Как тебе это удается?

МИЛДРЕД. Рут, ты что, наркоманишь?

РУТ. Разумеется, нет. Разве что по мелочам. Я и впрямь думаю, что ты потрясающе хороша. Принимая во внимание.

МИЛДРЕД. Принимая во внимание что?

РУТ. Это всего лишь пьеса.

МИЛДРЕД. Пьеса?

РУТ. Ты понимаешь, о чем я. Главная прелесть пьес в том, что их практически никто не видит.

МИЛДРЕД. Ладно. Так чего ты хочешь?

РУТ. Чего я хочу? Думаю, я оскорблена. Неужели тебе так трудно поверить, что я приехала в этот занюханный район, чтобы посмотреть пьесу умершего англичанина? Нет, конеч-

но, некоторые из дорогих мне людей – умершие англичане. Мой третий муж ныне умерший англичанин. И мое уважение к твоему несравненному актерскому таланту столь велико, что я не знаю, с чего начать.

МИЛДРЕД. Заканчивай треп, Рути. Ты слишком стара, чтобы попусту сотрясать воздух. Мы обе знаем, что ты пришла не для того, чтобы насладиться моей игрой на сцене.

РУТ. Милдред, ты ранила меня в самое сердце, заподозрив в моих действиях какой-то скрытый мотив. Я пришла только для того, чтобы поддержать давнюю подругу, которая нынче не в фаворе у удачи.

МИЛДРЕД. Не в фаворе у удачи? Я не в фаворе у удачи?

РУТ. Ладно. Не кипятись, а то тебя хватит удар.

МИЛДРЕД. И я тебе не подруга.

РУТ. Разумеется, подруга, одна из самых давних и дорогих. Конечно, у меня были подруги и постарше, но они все умерли.

МИЛДРЕД. Рут, мы не подруги. Мы ненавидим друг друга.

РУТ. Это неправда, у тебя ко мне ненависти нет.

МИЛДРЕД. Очень даже есть.

РУТ. Ох, Милли, у тебя такое мрачное чувство юмора.

МИЛДРЕД. Нет его у меня.

РУТ. Вот это я в тебе и люблю.

МИЛДРЕД. Ничего ты во мне не любишь. Ты меня ненавидишь. Всегда ненавидела. Так что ты здесь делаешь?

Ищешь почку для пересадки?

РУТ. Раз ты предпочитаешь грубить, и полагаю, по-другому не можешь, если честно, мне предложили роль в фильме.

МИЛДРЕД. Тебе? Роль? Тебе предложили роль в фильме?

РУТ. Да, мне предложили роль в фильме.

МИЛДРЕД. Ты хочешь сказать, в одном из этих фильмов о личной гигиене американских солдат? Я думала, ты поставила на них крест после того, как перестала снимать в барах мужиков.

РУТ. Я не шучу, Милдред. Мне предложили роль в хорошем, достойном фильме.

МИЛДРЕД. Да перестань, Рут. Твоя карьера мертва, как Муссолини.

РИТ. Знаешь, Милли, нынче и ты что-то не блистаешь на серебристом экране.

МИЛДРЕД. Я решила взять паузу и вернуться к моим сценическим корням. В театре я всегда чувствовала себя как дома.

РУТ. Играть в театре – все равно, что спать с трупом.

МИЛДРЕД. Насчет трупа ты, естественно, в курсе.

РУТ (*достает из сумки сценарий*). Дорогая, отставь гордость в сторону, перестань слушать только себя и постарайся обратить внимание на мои слова. Я надеюсь, что в голове у тебя не опилки. Ты знаешь, приход сюда дался мне нелегко. Здесь холодно, как в склепе, и воняет разложившимися ено-

тами. Сиденья такие жесткие, что моим ягодицам нанесен непоправимый урон, и я бы предпочла наблюдать, как растет плесень на сыре, чем в очередной раз слушать это отвратительное пустопорожнее бормотание, которое считается эталоном драмы. Но так уж вышло, что мне предложили роль в этом фильме, роскошную роль, какую не предлагали долгие годы, но ничего хорошего из этого не получится, если мне не составит пару достойная партнерша. Иначе моя бесподобная игра просто растопчет ее, и фильм потеряет всю свою прелесть. Я знаю, что не хожу у тебя в фаворитах, да и я, Бог свидетель, просыпаясь утром, не думаю о том, чтобы первым делом позвонить тебе. Тем не менее, сценарий пристойный. По крайней мере, две главные женские роли очень даже хороши.

МИЛДРЕД. Я не играю лесбиянок.

РУТ. Они не лесбиянки. Сестры. Это что-то вроде… ты знаешь, как Хичкок…

МИЛДРЕД. Хичкок? Так это Хичкок?

РУТ. Не Хичкок, но похоже. И почти так же хорошо. Ну и плюс в том, что не придется работать с Хичкоком.

МИЛДРЕД. Но придется работать с тобой. Этот минус перекрывает любые плюсы. Извини.

РУТ. Ты прочитай, хорошо? Если тебе не понравится, я приглашу Глорию Свенсон. Я знаю, за эту роль она отдаст свои последние четыре зуба.

МИЛДРЕД. Глорию Свенсон? Я думала, она умерла.

РУТ. Если честно, я тоже, но, получается, что нет.

МИЛДРЕД. Глория Свенсон мне в подметки не годится.

РУТ. Поэтому я и пришла к тебе первой. Но, если ты сейчас занята, вкапывая свои корни в театр, я, разумеется, тебя пойму.

МИЛДРЕД. Ты уверена, что они не лесбиянки?

РУТ. Они сестры, Милли. Сестры.

МИЛДРЕД. Не сестры-лесбиянки?

РУТ. Нет там ничего лесбийского. Фильм называется «Горгоны».

МИЛДРЕД. Не буду я сниматься в фильме, который называется «Горгоны».

РУТ. Ладно, мы назовем его «Моби Дик». Мы сможем назвать его, как захотим. Кто нам помешает? Я даже не знаю, кто такие горгоны. Это отвратительные средневековые рыльца водосточных труб, которые выглядят, как Уоллес Бири?

МИЛДРЕД. То горгульи. Горгоны – женщины в греческой мифологии со змеями вместо волос.

РУТ. Знаешь, никаких змей в этом фильме нет. Но, если захочешь, будут. Летучие мыши точно есть. Это захватывающая история о двух сестрах, которые блистали в водевилях. Она волнующая, она трагическая, она пугающая… Просто прочитай ее, Милли. Говорю тебе, такая роль выпадает раз в жизни.

МИЛДРЕД. Я так не думаю.

РУТ. Почему? Неужели так трудно просто прочитать? По-

моему, невелик труд. Или ты всегда отворачиваешься от всего, что тебе предлагают? Ради Бога, просто прочитай! Тебя это не убьет.

МИЛДРЕД. Не хочу читать. Я сейчас очень занята.

РУТ. И чем ты так занята? Трясешь корнями перед семью стариками, трое из которых спят, а один умер от скуки во втором действии, как едва не случилось со мной? Эта глупая пьеса отнимает у тебя так много времени, что ты не можешь прочитать сценарий, который может вернуть тебя в кино?

МИЛДРЕД. Мне не нужно возвращаться. Я никуда не уходила.

РУТ. Да перестань, Милдред. Твоя карьера давно уже в сортире.

МИЛДРЕД. Мы там обе, дорогая.

РУТ. Возможно, но первой меня в канализацию не сольют. Это чертовски хороший сценарий, и будь я на твоем месте, дважды подумала бы, прежде чем позволила бы гордости, или злости, или извращенному стремлению играть четверосортную пьесу перед ходячими мертвецами помешать мне заглянуть в сценарий, который вновь может вынести на вершину. Ты действительно хочешь до конца жизни сидеть и гнить в этом мавзолее или все-таки утебя еще есть желание заняться настоящей работой?

(*Пауза. МИЛДРЕД колеблется*).

МИЛДРЕД. Ладно, раз ты в таком отчаянии, полагаю, от меня не убудет, если я загляну в эту хрень. (*МИЛДРЕД берет*

сценарий, открывает). Так какой из сестер должна быть я?

РУТ. Ты – побитая жизнью психопатка. Я знаю, тебе придется поднапрячься, чтобы сыграть ее. Сестры живут в большом, темном, старом готическом особняке, а когда-то они в паре танцевали чечетку, Энид и Банни, и в их жизни был мужчина, красивый, обаятельный, комик-чечеточник, которого звали Боб и… (*Она смотрит в темноту, чуть в сторону от МИЛДРЕД*). Господи, это крыса?

МИЛДРЕД. Не наступи на нее. Вдруг это чей-то агент. Я с ней разберусь.

(*МИЛДРЕД уходит в тень, чем-то бьет крысу. Раздается дикий визг, за которым следует затемнение. Потом, уже в темноте, слышится музыка леденящего душу хичкоковского триллера*).

2

(*Музыка обрывается вспыхивающим светом*)

Милдред стоит на верхней площадке лестницы готического особняка, в пугающем парике и домашнем халате.

МИЛДРЕД. Ох, Энид, я так расстроена. Почему, почему мой дорогой и нежно любимый Боб не пришел? Это совершенно не в его стиле. Чтобы не прийти и не занять денег!

РУТ (*вкатывается в инвалидной коляске к подножию лестницы*). Боюсь, Боб пришел и ушел, Банни. Но он оставил тебе маленький подарок.

МИЛДРЕД. Подарок? Боб оставил мне подарок? Ох, я так люблю получать подарки. Мои поклонники всегда оставляли мне такие чудесные подарки. Где он, Энид? В беседке? Мои поклонники обожали оставлять мне подарки в беседке.

РУТ. Рядом с тобой, в той коробке. На лестничной площадке.

МИЛДРЕД. Где?

РУТ. У тебя за спиной, Банни.

МИЛДРЕД. Ой, такая большая коробка. Должно быть, очень дорогой подарок. Боб подарил мне металлофон?

РУТ. Банни, дорогая, открой коробку, посмотри, и ты все увидишь сама.

МИЛДРЕД. Хорошо. Ой, я так волнуюсь. Что это может

быть? (*Открывает коробку, заглядывает*). Что это? Для металлофона слишком много волос.

РУТ. Достань и приглядись, Банни.

МИЛДРЕД (*достает подарок из коробки*). Какой-то он липкий. И тяжелый… Что это? (*Поворачивает подарок к себе*). А-А-А-А-А-Х-Х-Х! Это его голова! Энид, это его голова! А-А-А-А-Х-Х-Х! (*МИЛДРЕД отбрасывает голову. Она прыгает по ступенькам*).

РУТ (*выходя из образа*). Извини, но я чувствую, что здесь нам надо остановиться. (*Смотрит за кулисы на невидимого зрителям режиссера*). Можем, мы это повторить, Найджел?

МИЛДРЕД. Почему? Что не так?

РУТ. Все прекрасно, дорогая, правда. Дело лишь в том, что голова не подпрыгивает должным образом.

МИЛДРЕД. Это же не баскетбол, Рут. Трудно добиться нужного подпрыгивания, если сбоку торчит нос.

РУТ. Про нос я все знаю, но голова должна приземлиться точно у моих ног, или нужного эффекта не будет. (*Вновь смотрит в темноту*). Ты согласен, Найджел? Можем ты попробовать еще раз?

МИЛДРЕД. Ну, хорошо. Тогда брось ее сюда.

РУТ. Спасибо тебе, Милдред. С тобой приятно иметь дело. Держи. (*РУТ бросает голову МИЛДРЕД*).

МИЛДРЕД (*легко ловит голову и обращается к ней, укладывая обратно в коробку*). Давай, Боб. Ты тоже предпочел бы быть где-то еще, правда? Наверное, и платили бы тебе

там больше, чем мне.

РУТ. Спасибо, Милли. Ты голова? Снимаем, Найджел?

МИЛДРЕД. Произноси эту чертову реплику!

РУТ (*входя в роль*). Боюсь, Боб пришел и ушел, Банни. Но он оставил тебе маленький подарок.

МИЛДРЕД. Подарок? Боб оставил мне подарок? Ох, я так люблю получать подарки. Мои поклонники всегда оставляли мне такие чудесные подарки. Где он, Энид? В беседке? Мои поклонники обожали оставлять мне подарки в беседке.

РУТ. Рядом с тобой, в той коробке. На лестничной площадке.

МИЛДРЕД. Где?

РУТ. Там, в темноте, у тебя за спиной, Банни.

МИЛДРЕД. Ой, такая большая коробка. Должно быть, очень дорогой подарок. Боб подарил мне металлофон?

РУТ. Банни, дорогая, открой коробку, посмотри, и ты все увидишь сама.

МИЛДРЕД. Хорошо. Ой, я так волнуюсь. Что это может быть? (*Открывает коробку, заглядывает)*. Что это? Для металлофона слишком много волос.

РУТ. Достань и приглядись, Банни.

МИЛДРЕД (*достает подарок из коробки*). Какой-то он липкий. И тяжелый… Что это? (*Поворачивает подарок к себе. Это мужская голова*). А-А-А-А-А-Х-Х-Х! Это его голова! Энид, это его голова! А-А-А-А-Х-Х-Х! (*Она отбрасывает голову, на этот раз с большей силой. Голова прыгает*

по ступенькам).

РУТ. Ты хоть смотри, что ты делаешь с этой хреновиной. На этот раз ты чуть не попала в меня.

МИЛДРЕД. Какая жалость.

РУТ. Слушай, неужели это так сложно? Ты бросаешь, как девочка.

МИЛДРЕД. Я и есть девочка.

РУТ. Уже никто и не помнит, когда ты была девочкой. Постарайся. Представь себе, что это соревнования, и надо обязательно показать результат.

МИЛДРЕД. Извини, я, наверное, пропустила тот день, когда мы сдавали зачет по бросанию голов.

РУТ. Просто скинь ее по ступенькам так, чтобы она прикатилась к моим ногам. НЕ понимаю, что здесь такого сложного.

МИЛДРЕД. Почему бы тебе не подняться сюда и не бросить эту гребаную голову, и я спущусь вниз и припаркую свою зад на твою коляску? Я на ногах целый день, и у Боба уже отваливается нос. Может, попрактикуемся с ТВОЕЙ головой?

РУТ. Послушай, Милдред, все шло так хорошо. Не заводись, ладно? (*Рут бросает голову, куда более яростно, чем требует ситуация*).

МИЛДРЕД (*ловит голову*). Я и не завожусь. Это ты меня заводишь. Тебе не нравится, как падает голова Боба. Ты каждые три минуты останавливаешь съемку. Чтобы тебе на-

ложили еще слой пудры. На тебе уже столько косметики, что под ней никто бы не узнал и Человека-Слона.

РУТ. Я ничего не хочу слышать о твоих прежних бойфрендах.

МИЛДРЕД. Я пошла в актрисы не для того, чтобы весь день орать благим матом и швырять голову вниз о ступенькам. У меня болит рука, а бедный Боб выглядит так, будто его переехал джип.

РУТ. Мы будем снимать дубли, пока не сделаем все правильно.

МИЛДРЕД. Ты собираешься учить меня, как правильно и как неправильно бросать голову твоего ухажера вниз по ступенькам?

РУТ. Если ты перестанешь жаловаться и попытаешься еще раз, я уверена, все у тебя получится. Марлен Дитрих на шпильках могла ударить по футбольному мячу так, что он летел на пятьдесят футов, а ты не можешь бросить голову, чтобы она приземлилась у моих ног. Это по силам даже дрессированному тюленю.

МИЛДРЕД (*спускается по лестнице, на ходу вручает голову РУТ*). Держи. Незачем мне все это унижение. Почему бы тебе не посмотреть, залезет ли голова Боба тебе в зад? (*Обращаясь у голове*). Удачи тебе, Боб. И не вздумай чиркнуть спичкой.

РУТ (*хватая МИЛДРЕД за руку*). Подожди. Милдред, пожалуйста. Давай не устраивать скандала из-за такой мелочи,

как отрубленная голова. До этого момента все шло замечательно.

МИЛДРЕД. Ты думаешь, все шло замечательно? Спроси у Боба, так ли это. Его нос изогнулся в три стороны.

РУТ. Но все шло хорошо.

МИЛДРЕД. Приведи хоть один пример.

РУТ. Тебе блестяще удалась сцена в беседке.

МИЛДРЕД. Я там и впрямь была хороша.

РУТ. А сцена на чердаке, с куклой чревовещателя – просто шедевр.

МИЛДРЕД. Не перебарщивай, Рути.

РУТ. Знаешь, если отбросить всякую ерунду, все действительно идет на удивление хорошо, и мы должны прилагать усилия, чтобы не дать воли раздражению. У нас есть шанс сделать что-то стоящее.

МИЛДРЕД. Я бы могла воспринять твои слова серьезно, если бы при этом ты не держала в руках человеческую голову. Я должна присесть. Ноги подкашиваются.

РУТ. Можем мы сделать перерыв, Найджел? У Милдред отваливаются ноги.

МИЛДРЕД (*садится на ступеньки, снимает туфли*). Спасибо, Рут. Я благодарна тебе за то, что ты своевременно информируешь всех о состоянии моих ног. В недалеком будущем ты, наверное, начнешь сообщать всем, когда и какую мне хочется справить нужду.

РУТ (*глядя на туфли МИЛДРЕД*). Где ты взяла эти ужас-

ные туфли?

МИЛДРЕД. Я думаю, их сняли с мертвого жевуна. И, раз уже разговор зашел о жевунах, я так голодна, что съела бы одного целиком.

РУТ. Так чего бы нам не перекусить?

МИЛДРЕД. Я не прикасаюсь ни к чему, что здесь подают. Независимый кинематограф – рассадник трупного яда. Это мясо на ленч вполне могло быть лошадью Рэндольфа Скотта. Мы могли жаловаться на рабский труд при прежней студийной системе, но кормили там чертовски хорошо. А здесь все пахнет, как вареная требуха.

РУТ. Поэтому я приношу еду с собой. (*Она кладет голову Боба на ступеньку рядом с МИЛДРЕД, достает сумку из кармана инвалидной коляски, вытаскивает сэндвичи*). Индюшка.

МИЛДРЕД (*поглощенная растиранием ног*). Как ты меня назвала?

РУТ. Это сэндвичи с индейкой. Я беру мясо на индюшачьей ферме под Кукамонгой. Этих индюшек кормят отборной айовской кукурузой, и в клетках они слушают Моцарта, музыка которого их успокаивает.

МИЛДРЕД (*с опаской берет сэндвич*). И однажды их вытаскивают из клеток и отрубают им голову, как Бобу.

РУТ (*садится на ступеньку, чтобы поесть, голова Боба между ними*). Вот что я тебе скажу, Милли. Работать с тобой интереснее, чем я думала.

МИЛДРЕД. А что ты думала? Ожидала, что я засуну в твои галоши гремучих змей?

РУТ. Не знаю. Я слышала пугающие истории.

МИЛДРЕД. Какие истории? Бретт Гарт в какой уж раз повторил этот бородатый анекдот о козле?

РУТ. Каком козле?

МИЛДРЕД. Неважно. Честно говоря, и ты не такая ужасная, как я себе представляла. Господи, как вкусно. Ты и впрямь приготовила эти сэндвичи?

РУТ. Только никому не рассказывай. Не хочу, чтобы кто-то знал о моих кулинарных способностях. Мужчины начнут мечтать о том, чтобы я приготовила им обед, а я предпочту срать бритвенными лезвиями.

МИЛДРЕД. Это будет нашим маленьким секретом. (*Рот у нее набит*). Что ж, эта индейка умерла не зря.

РУТ. В этом городе полно людей, которые думают, что мы вцепимся друг другу в горло, едва окажемся на одной съемочной площадке.

МИЛДРЕД. Мужчинам нравится лелеять миф, что сильные женщины не могут поладить друг с другом. Они обожают смотреть, как мы цапаемся. Наверное, думают, что это отвлечет нас, и мы не убьем их, когда они спят. Они так нас боятся! И это, по какой-то причине, возбуждает их сексуально. Бедные, больные на всю голову ублюдки. Если я когда-нибудь еще выйду замуж, разрешаю тебе раздавить мою голову печатным прессом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.